

Охотники за жирафами

Автор:

Томас Майн Рид

Охотники за жирафами

Томас Майн Рид

Южноафриканская трилогия #3

«Мой юный читатель, пойдем снова странствовать по населенной самыми удивительными творениями земле, о которой мы знаем так много и так мало, по земле, растительный и животный мир которой так богат. Вернемся в Африку и вместе со старыми нашими друзьями юными охотниками двинемся навстречу новым приключениям.

На берегу Лимпопо весело пылает охотничий костер, а вокруг него вы увидите три живых кольца. Самое большое, внешнее, – это лошади, второе – собаки, а самое маленькое, внутреннее, – люди. Это твои старые знакомые, читатель...»

Майн Рид

Охотники за жирафами

Глава I

Земля обетованная

Мой юный читатель, пойдём снова странствовать по населённой самыми удивительными творениями земле, о которой мы знаем так много и так мало, по земле, растительный и животный мир которой так богат. Вернёмся в Африку и вместе со старыми нашими друзьями юными охотниками двинемся навстречу новым приключениям.

На берегу Лимпопо весело пылает охотничий костёр, а вокруг него вы увидите три живых кольца. Самое большое, внешнее, – это лошади, второе – собаки, а самое маленькое, внутреннее, – люди. Это твои старые знакомые, читатель.

Стоит мне назвать их имена – Ганс и Гендрик ван Блоом, Виллем и Аренд ван Вейк, – и ты сразу поймёшь, что молодые охотники снова вышли на промысел. Но на этот раз у каждого участника экспедиции свои надежды и свои желания.

Спокойный и серьёзный Ганс ван Блоом, как и многие молодые уроженцы колоний, мечтает побывать в краю своих предков. Ему хочется поехать в Европу и найти применение своему гербарии и знаниям, которые он приобрёл, путешествуя сперва с отцом, а потом с друзьями.

Но прежде чем отправиться в Европу, он решил посетить ту часть Южной Африки, где никогда не бывал, чтобы пополнить свои познания в естественной истории.

На обширных пространствах его родины, между огромными реками Лимпопо и Замбези, раскинулись необъятные леса, и каких только растений там нет!

В этих-то краях и задумал Ганс продолжить свои ботанические изыскания. О новом путешествии в дебри Африки уже полгода мечтает и Виллем. С тех самых пор, как он вернулся из последней экспедиции, ему не терпелось отправиться в новые края, где водится дичь, за которой ему ещё не приходилось охотиться.

Читатель напрасно станет искать у костра маленьких Яна и Клааса. Родители не пустили их в это далекое путешествие – слишком много трудностей и опасностей сулило оно. Кроме того, родителям не хотелось бы видеть мальчиков, когда они вырастут, простыми охотниками, а чтобы этого не случилось, Яну и Клаасу надо ещё несколько лет проучиться в школе.

Зато здесь молодые корнеты Гендрик ван Блоом и Аренд ван Вейк. Они изо всех сил стараются походить на бывалых воинов и оба – страстные охотники, но на сей раз они не стремились отправиться в путешествие, и на это у каждого были особые причины.

Они рады были бы остаться дома и довольствоваться жалкой дичью, которая водится в окрестностях Грааф-Рейнета, и все же «липовыми охотниками» их не назовешь – их не страшат опасности. Просто дома теперь есть магнит, который оказался сильнее их страсти к приключениям.

Волнения охоты, которые прежде доставляли Гендрику ван Блоому столько удовольствия, влекут его теперь куда меньше, чем улыбка Вильгельмины ван Вейк, единственной сестры его друзей Виллема и Аренда.

Да и Аренд, будь он предоставлен сам себе, ни за что не уехал бы из дому и не отказался бы от возможности каждый день видеть маленькую Трейи ван Блоом. Но Виллем и Ганс твердо решили пуститься на север, в края, где они еще никогда не бывали; они-то и уговорили друзей отправиться в эту экспедицию.

Новое путешествие сулило удивительные приключения, охоту, да к тому же Гендрик и Аренд боялись показаться смешными, оставшись дома, и в конце концов они согласились сопровождать знаменитого охотника и знаменитого натуралиста к берегам Лимпопо.

У костра сидят еще двое – это старые знакомые тех, кто читал «Юных охотников». Один, невысокий, крепко сбитый, большеголовый бушмен, – это Черныш; его не уговоришь остаться дома, когда молодые хозяева, Ганс и Гендрик, отправляются на поиски приключений.

Другой, кого мы не успели еще упомянуть, – это кафр Конго.

Путь от Грааф-Рейнета до берегов Лимпопо оказался бы слишком долгим, если бы они решили добираться туда в повозках, запряженных быками, а им не терпелось поскорей попасть в места, которые Виллем когда-то назвал землей обетованной.

И вот верхом на добрых лошадях они кратчайшим путем двинулись к берегам Лимпопо. Приключений в пути они не искали, – скорее избегали их. Помимо верховых лошадей, у них было еще шесть вьючных, нагруженных не слишком тяжело одеждой, патронами и всем, что могло понадобиться охотникам.

Мы встретились с ними уже на берегу Лимпопо, после того как они переправились через реку. Наконец-то они достигли мест, о которых давно слышали как о сущем рае для охотников! Утомительный путь позади, а впереди охота, ради которой они преодолели сотни миль.

Мы уже говорили, что, когда юноши отправлялись в путешествие, у каждого были свои побуждения. Но была у них и общая цель. Голландское правительство поручило своему консулу добыть пару молодых жирафов и отправить их в Европу. За двух детенышей, благополучно доставленных в Кейптаун или в Капскую колонию, было обещано пятьсот фунтов. Некоторые охотники уже попытались счастья в этом деле, но им не повезло. Они застрелили и разными другими способами убили десятки жирафов, но ни одного детеныша поймать живым не удалось.

Наши молодые охотники отправились в путь с твердым намерением поймать двух жирафов и деньгами, вырученными за них и за клыки гиппопотама, покрыть все расходы экспедиции. Они знали, что на слоновых клыках люди богатеют, а с зубами гиппопотама не сравнится и слоновая кость: за них можно взять вчетверо дороже, чем за любую другую кость, отправляемую в Европу.

Впрочем, у всех у них желание прославиться было сильнее корысти, особенно у Виллема – он жаждал показать свое искусство охотника там, где многие потерпели поражение. Слава человека, поймавшего двух молодых жирафов, привлекала его куда больше, чем награда за поимку. Конечно, от пятисот фунтов он тоже не отказался бы – для него, как и для остальных, обещанные деньги были лишним доводом в пользу этого путешествия.

Глава II

На берегах Лимпопо

В первую же ночь, проведенную у Лимпопо, путешественники убедились, что поблизости водится разная дичь, на которую они давно мечтали поохотиться. В нестройном хоре звуков, что тревожили их сон, они различали рыкание льва, трубные клики слона и голос какого-то неведомого им зверя.

В тот день у них ушло несколько часов на поиски переправы – нужно было найти место, где оба берега пологи и река не слишком глубока. Пока охотники искали брода, солнце уже начало садиться, и, когда они наконец переправились через реку, сумерки успели смениться густой тьмой, так что никому, кроме Конго, не хотелось продолжать путь. Кафр советовал пройти еще хотя бы полмили вверх или вниз по реке, и Виллем поддержал его, хотя у него не было для этого никаких оснований, кроме слепой веры то ли в ум, то ли в инстинкт своего слуги.

В конце концов все согласились с Конго, и теперь звуки, тревожившие путешественников, слышались поодаль: они доносились с переправы.

– Ну, теперь вы понимаете, почему Конго советовал уйти оттуда? – спросил Виллем, когда они прислушивались к диким воплям, которые не давали им уснуть.

– Нет, – ответили его спутники.

– Да потому, что мы переправились у самого водопада. Туда сходятся звери со всей округи.

– Верно, баас Виллем, – подтвердил Конго.

– Но ведь не для того мы проехали тысячу миль, чтобы прятаться от зверей! – сказал Гендрик.

– Нет, конечно, – ответил Виллем. – Но мы пришли сюда, чтобы стрелять их, а не для того, чтобы попасть им в лапы. Как по-вашему, надо нам отдохнуть или нет? А уж лошадям непременно нужен отдых.

На этом ночной разговор и кончился.

Охотники постепенно привыкли к голосам диких зверей, перестали обращать на них внимание и один за другим уснули.

Когда рассвело, стало видно, как необыкновенно хорошо вокруг.

Широкая долина вся заросла великолепными деревьями. Тут были и гигантские баобабы, и небольшие купы диких финиковых пальм. А цветочный ковер, покрывавший долину и сверкавший самыми яркими красками, доставил Гансу особое удовольствие.

Тут ему было что изучать, и чудесная мечта проснулась в его душе: он найдет новые, еще никому не известные растения, и эти открытия прославят его имя в ученном мире Европы.

Все еще спали, когда Виллем поднялся и в сопровождении Конго тихо выбрался из лагеря – он хотел оглядеть окрестности.

Они направились вниз по реке. Когда они дошли до вчерашней переправы, глазам их представилась тягостная картина – она не могла прийти по вкусу даже охотнику, человеку, которому доставляет удовольствие убивать животных.

На протяжении каких-нибудь ста метров валялись пять огромных мертвых антилоп. Их останки пожирала гиены. При виде охотников гиены захохотали как безумец, который только что совершил какое-то ужасное злодеяние, и нехотя отошли в сторону.

Судя по следам у реки, ночью здесь побывали и слоны и львы. Пока Виллем осматривал берег, к нему присоединился Ганс. Он уже весь отдался своему любимому занятию: исследовал богатую растительность вблизи лагеря.

Подойдя к Виллему, он сразу обратил внимание на антилоп. По его словам, это олени, но особой, нигде не описанной разновидности. Вся шкура у них в узких белых поперечных полосах, и это придает им сходство с винторогой антилопой куду.

Взглянув на следы, Конго объяснил, что первыми к водопою пришли антилопы; вслед за ними в поисках воды сюда забрели четыре слона и тут же напали

на антилоп. В побоище приняли участие и три или четыре льва, но единственными жертвами оказались злополучные антилопы.

– По-моему, нам стоит обнести лагерь хорошей оградой и задержаться здесь на несколько дней, – предложил Виллем, когда они вернулись к остальным. – Здесь сколько угодно корма для лошадей, и мы уже убедились, что у водополя много всякой дичи.

– Согласен, – поддержал его Гендрик. – Но мне бы не хотелось раскидывать лагерь так близко к броду. Лучше отойти подальше. Тогда мы не отпугнем дичь от водополя, да и спать будем спокойнее. Как по-вашему, может, нам лучше пройти еще немного вверх по течению?

– Конечно, конечно, – отозвались остальные.

Решили найти более подходящее место для лагеря и построить настоящий крааль. Позавтракав – это был их первый завтрак на берегах Лимпопо, – Виллем, Ганс и Гендрик оседлали своих лошадей и в сопровождении всех собак направились вверх по реке; Аренд, Черныш и Конго остались охранять лагерь.

Всадники проехали вдоль берега уже около трех миль, но нигде не было доступа к воде. Берега тянулись высокие, крутые. Но вот ландшафт стал меняться, он уже больше походил на то, чего они искали. Тонкоствольная роща – здесь можно было срубить деревья для частокола – раскинулась близ реки, и, хоть берега уже не были неприступны, звери, как видно, редко навевывались сюда.

– По-моему, лучшего и желать нельзя, – сказал Виллем. – До водополя верхом на лошади всего полчаса, да и выше по течению может найтись хорошее место для охоты.

– Очень возможно, – сказал Гендрик. – Но ведь построить большой крааль не так-то просто, поэтому давайте сперва проверим, что за дичь тут водится.

– Правильно, – согласился Виллем. – Надо точно узнать, есть ли тут гиппопотамы и жирафы. Без жирафов нам никак нельзя возвращаться. Мы огорчим друзей, а кое-кто из наших общих знакомых, я уверен, непременно поднимет нас на смех.

– И поделом тебе, – сказал Ганс: – вспомни, как ты насмеялся над охотниками, которые возвращались ни с чем.

Присмотрев место для крааля, молодые охотники отправились вверх по течению, чтобы, прежде чем строить ограду, получше разведать эти охотничьи уголья.

Глава III

Двойная ловушка

Вскоре после того, как Виллем и его спутники уехали, Аренд поглядел в сторону зарослей, раскинувшихся в полумиле от реки, и заметил небольшое стадо антилоп, которые мирно паслись на лугу. Он решил подстрелить одну или двух к обеду и вскочил на коня.

Он приближался к стаду с подветренной стороны и, подъехав ближе, увидел, что это антилопы дукеры, или так называемые ныряющие антилопы.

Тут росло несколько высоких – каждый куст чуть ли не двенадцати футов – олеандров, осыпанных пышными розовыми цветами. Под прикрытием этих кустов Аренд приблизился к стаду и, выбрав животное покрупнее, прицелился и выстрелил.

Все антилопы, кроме одной, которая осталась распростертой на лугу, огромными прыжками кинулись к опушке, перемахнули через ближайшие кусты и, нырнув в заросли, скрылись из глаз. Не зря их называли ныряющими! Аренд подскочил к антилопе, в которую он стрелял, и убедился, что она мертва. Вернувшись в лагерь, он послал Конго с Чернышем за убитой антилопой. Скоро они принесли тушу; теперь нужно было освежевать и разделать ее, чтобы потом поджарить мясо на вертеле.

Они вдвоем принялись за дело, и вдруг Чернышу показалось, будто по лугу что-то движется.

– Глядите-ка, баас Аренд.

– Что там?

– Вон вьючная лошадь, видите? Очень далеко отошла от лагеря.

Аренд обернулся и поглядел туда, куда показывал Черныш. В полумиле от лагеря бродила лошадь. Она отбилась от остальных и уходила все дальше.

– Ладно, Черныш. Вы тут готовьте обед, а я поеду пригоню ее.

Аренд снова вскочил на коня и поскакал к отбившейся лошади.

Для стряпни Конго и Чернышу понадобилась вода; захватив бачок, они отправились к вчерашнему броду – ближе нигде нельзя было спуститься к реке.

Они шли берегом и были уже почти у самого брода, как вдруг Конго, шедший впереди, исчез. Он провалился в хорошо замаскированную ловушку, приготовленную для слона или бегемота.

Яма была глубиной около девяти футов; и, еще не успев понять, куда это он попал, Конго едва не ослеп – глаза ему засыпало песком, пылью и всяким мусором, скрывавшим сверху ловушку.

Это южноафриканское изобретение для ловли крупной дичи было не в диковинку Конго, поэтому случившееся не слишком огорчило его. Убедившись, что при падении он не расшибся, Конго поглядел вверх, ожидая, что Черныш поможет ему выбраться из ямы.

Но Черныш не спешил ему на помощь. Он очень обрадовался смешному случаю, приключившемуся с соперником, и решил немного потешиться над ним.

Он просто не помнил себя от восторга. Он разразился диким хохотом, напоминая хохот разъяренной гиены, и принялся так прыгать и плясать вокруг ямы, что, казалось, земля его не выдержит. Никогда еще глупый маленький бушмен не был так счастлив; но эта восторженная вспышка оборвалась еще внезапнее, чем началась: среди буйных прыжков он тоже вдруг исчез, словно земля разверзлась и поглотила его! Его постигла та же участь,

что и Конго: возле первой ловушки оказалась вторая, и Черныш угодил прямо в нее.

С помощью таких двойных ловушек обитатели Южной Африки обычно ловят слонов: если животное, заметив вдруг перед собой яму, метнется в сторону, оно провалится в соседнюю ловушку.

Черныш и Конго неожиданно попались как раз в такую ловушку – на свою беду и вовсе не на радость тем, кто с помощью этого хитроумного устройства надеялся поймать совсем другую дичь. На дне ямы, в которую провалился Конго, было на два фута жидкой грязи. Стены – отвесные, глинистые, скользкие, поэтому все его попытки вскарабкаться вверх оказались тщетными, и это сильно огорчило беднягу, ибо он не отличался философским складом ума. Конго слышал, как потешался над ним Черныш, и бурный восторг соперника был плохим утешением в беде. Но прошло несколько минут, и он перестал слышать Черныша.

То, что Черныш смеялся и радовался его несчастью, не удивило Конго, но он все же надеялся, что немного погодя Черныш поможет ему выбраться из ямы. Однако Черныш не шел на помощь. Ему, видно, мало было посмеяться над его бедой. Он просто ушел, бросил его на произвол судьбы! И Конго был вне себя от ярости.

Прошло еще несколько минут – они показались Конго часами, – а о Черныше все не было ни слуху ни духу. Может, он вернулся в лагерь? Значит, Аренд узнал, что случилось с Конго. Почему же тогда он не поспешит на помощь своему верному слуге? Сидеть в этой яме вовсе не так уж удобно, а кроме того, здесь полно всяких пресмыкающихся и насекомых, которые как-то попали сюда и теперь тоже не могут выбраться. Общество жаб, лягушек, больших муравьев, прозванных «солдатами», и других тварей не доставляло Конго никакого удовольствия.

– Черныш! Баас Аренд! – закричал он.

Но все было напрасно. Никто не откликнулся на его зов. Конго, как и все его соплеменники, отличался вспыльчивым нравом, и им вскоре овладел неистовый гнев. Он жаждал свободы уже ради одной только цели: ради мести. Мечь Чернышу, который, вместо того чтобы освободить его из ямы, радуется его

заточению!

Вы, наверно, решили, что Черныш разбился, падая в яму? Нет, этого не случилось. Едва он понял, что так неожиданно положило конец его веселью, он первым делом подумал о том, как бы ему выбраться отсюда без помощи человека, над которым он только что смеялся. Самолюбие Черныша было бы очень уязвлено, если бы, выбравшись из ямы, Конго увидел, что и он, Черныш, тоже попался. Легко ли снести такое унижение!

Вот почему Черныш молча слушал, как Конго взывает о помощи, а сам тем временем изо всех сил старался выкарабкаться из ловушки. Он попытался выдернуть заостренный кол, воткнутый посреди ямы. Падая в яму, слон или бегемот с размаху напарывается на такой кол и погибает. Сумей Черныш выдернуть кол, он мог бы с его помощью выбраться наверх. Но ему это не удалось, и мысли его потекли в ином направлении. Он стал искать, кто же виноват в том, что он попал в яму и не может из нее выбраться. У Черныша была своя логика, свойственная, впрочем, не ему одному, и он быстро догадался, что виноват, конечно, Конго. Не провались Конго, сам он, уж конечно, избежал бы этой участи.

Повеселившись вволю, он помог бы Конго выбраться из его темницы и, пожалуй, даже посочувствовал бы его несчастью; но теперь, когда он и сам попался, он знал одно: в приключившейся с ним неприятности кто-то виноват, и не мог понять, что всему виной он сам. Попав в беду, Конго навлек беду и на него, вот почему Черныш теперь молча сидел в своей яме.

В отличие от Конго, он не терзался мыслью, что его бросили на произвол судьбы, и поэтому переносил заточение намного спокойнее, чем Конго, совсем потерявший терпение. Да, кроме того, у него была надежда на скорое избавление – надежда, которую утратил Конго.

Черныш знал, что Аренд с минуты на минуту приведет в лагерь отбившуюся лошадь и хватится их. А так как бачка тоже нет на месте, он будет знать, где их искать. Увидев, что нет ни бачка, ни слуг, Аренд, конечно, пойдет к броду – единственному месту, где можно зачерпнуть воды. А раз так, он непременно заметит ловушку. Поразмыслив, Черныш примирился со своей участью и стал терпеливо и молча ждать; Конго же, не понимавший, куда запропастился Черныш, был далеко не так спокоен.

Глава IV

В ямах

Но время идет, солнце опускается все ниже, скоро над рекой сгустятся ночные тени... и Черныш стал терять надежду. Почему молодой охотник до сих пор не пришел им на выручку? Виллем, Гендрик и Ганс уже должны были бы вернуться; вчетвером им ничего не стоит разыскать пропавших слуг. И хоть Черныш очутился в непривычном положении, он долго терпел и молчал. Но наконец ему стало невмозможу. Его вдруг охватило страстное желание высказать все свое недовольство судьбой, и перед этим желанием он уже не мог устоять.

- Эй, Конго, старый дурень, где ты? - крикнул он. - Чего не идешь домой?

Услыхав этот глухой, отдаленный голос, Конго сразу понял, откуда он исходит. Значит, Черныш тоже заживо погребен! Так вот почему он до сих пор не пришел на выручку!

- Это ты, Черныш? А я тебя дожидаюсь! - ответил Конго и впервые за все это время слабо улыбнулся. - Неохота идти в лагерь без тебя.

- Больно много о себе думаешь! - отозвался Черныш. - Кому ты нужен, старый дурень? Шел бы лучше в лагерь да сказал бы баасу Гендрику - мол, Черныш хочет его видеть. Я бы ему кое-чего сказал.

- Ладно, - ответил Конго, которому теперь не так тошно было сидеть в яме. - Только на что тебе хозяин? Я ему все передам, нечего ему сюда ходить. Ну, что ему сказать?

В ответ Черныш разразился длинной речью. Пусть Конго признается, что он дурак, раз он упал в яму, - ведь он оказался глупей бегемота: эта ловушка, видно, сто лет назад вырыта, и ни один бегемот в нее не попался.

Конго потребовал объяснений. Почему это он глупее Черныша? Ведь и сам Черныш попал в такую же беду. Но тот продолжал утверждать, что в его несчастье полностью виноват Конго – ведь он первый имел глупость провалиться в ловушку.

Чернышу все было ясно и понятно: не провались Конго по глупости в первую яму, уж он-то, Черныш, никогда не угодил бы во вторую!

И он утешался этим. Он был просто счастлив, что может наконец отвести душу и отругать своего соперника. Но как ни приятно было это развлечение, скоро его мысли поневоле вернулись к печальной действительности: он в ловушке и, вместо того чтобы есть жареную антилопу, весь день голодный, томится в темной, грязной яме в обществе отвратительных пресмыкающихся.

Его мысль усиленно работала, подхлестываемая испуганным воображением. Ему стало страшно. А вдруг и с Арендом стряслась какая-нибудь беда и он не вернулся в лагерь? А вдруг Виллем и его спутники заблудились и будут два или, чего доброго, три дня искать дорогу назад в лагерь? Он слышал, что с иными глупыми белыми такое случалось, значит, и с ними может случиться. Или, может быть, им повстречалось какое-нибудь дикое племя и их убили или забрали в плен?

Тысячи догадок проносились в уме Черныша, и, окажись любая из них справедливой, ему придется сперва съесть лягушек и всех прочих тварей, что копошатся вокруг него на дне ямы, а потом помирать с голоду.

Черныша ничуть не утешало, что его соперника, сидящего в другой яме, ждет, как видно, та же участь.

Его невеселые размышления были прерваны отрывистым злобным лаем: взглянув вверх, в дыру, через которую он провалился, Черныш увидел морду дикой собаки.

Собака залаяла еще раз, уже по-другому, и попятилась; и по звукам, которые раздавались над головой Черныша, он догадался, что наверху собралась целая стая.

Инстинктивный страх перед человеком заставил собак немного отступить. Но вскоре они поняли, что, как говорит пословица, «Только дурак бежит, когда за ним никто не гонится», и вернулись.

Они были голодны и притом чуяли, что обнаруженный ими враг почему-то не может причинить им вреда.

Подходя все ближе и ближе, они вновь окружили обе ловушки и тогда увидели, что на дне ям есть чем поживиться. Их жертвы были сейчас беспомощны, и собаки расхрабрились и готовы были напасть на людей. Голос и взгляд человека уже не пугали их, и несколько десятков диких зверей стали пытаться овладеть добычей, чтобы утолить свой голод.

Они начали разгребать и разбрасывать слой травы и земли, который прикрывал ямы. Вниз лавиной хлынули пыль, песок, трава, и пленники едва не задохнулись.

Колья, поддерживавшие земляной настил, подгнили от старости, и под тяжестью теснившихся сверху собак крыша грозила рухнуть.

«Если собаки посыплются вниз, – подумал Черныш, – этот дурак Конго, надеюсь, тоже получит свою долю».

Его надежда тут же и сбылась: мгновенье спустя он услышал вой собаки – видно, она упала в соседнюю яму. К счастью для Конго, хищника постигла участь, которой он сам избежал. Животное напоролось на заостренный кол, торчащий посреди ямы, и теперь корчилось на нем в страшных мучениях и не могло освободиться.

Конго растянулся в грязи на дне ямы и прижался к стенке. Если б не это, не миновать бы ему собачьих зубов: оскаленная пасть была в каких-нибудь двенадцати дюймах от его лица. Зверь судорожно извивался и оглушительно выл.

Среди воя, рычания, лая собак, которые оставались наверху, Черныш различил вопли собаки, попавшей в яму, и вообразил, что между нею и Конго завязалась борьба не на жизнь, а на смерть.

Ревность и мелкое недоброжелательство, которые он так часто проявлял по отношению к Конго, были совсем не так сильны, как ему самому казалось. Черныш не на шутку тревожился за исход битвы. А вдруг зверь разорвет Конго на куски? И тут он понял, что они с Конго вовсе не враги, как он почему-то воображал, а друзья.

Собаки злобно рычали и выли. Сидеть в яме было и неудобно и страшно, а сколько еще времени придется ждать и терпеть? Кажется, еще немного – и он просто сойдет с ума. Но тут он услышал, что псы отступили. Остался лишь тот, что упал в яму, где сидел Конго. Что заставило их отступить? Уж не подоспела ли помощь? Затаив дыхание, Черныш прислушался.

Глава V

Аренд исчез

В полдень Виллем, Ганс и Гендрик вернулись в лагерь и обнаружили, что он пуст.

Завидев их, нехотя, воровато разбежались шакалы, а когда всадники подъехали ближе, они увидели начисто обглоданный скелет антилопы. Значит, уже несколько часов в лагере никого нет.

– Что же это? – воскликнул Виллем. – Куда делся Аренд?

– Не знаю, – ответил Гендрик. – Удивительно, что Черныша и Конго тоже нет; они могли бы рассказать, в чем дело.

Несомненно, что-то случилось. Охотники с тревогой оглядели все вокруг, но ничто не помогло им раскрыть тайну.

– Что будем делать? – спросил Виллем, и по голосу его было слышно, что он очень встревожен.

– Ждать, – ответил Ганс. – Больше нам сейчас ничего не остается.

В эту минуту их внимание привлекли две или три точки на равнине, примерно в миле от лагеря. То были лошади, их собственные вьючные лошади, и Гендрик с Виллемом ускакали за ними, чтобы привести их обратно в лагерь.

Прошло около часу, прежде чем удалось обойти и поймать беглянок. На обратном пути Гендрик и Виллем решили напоить их, благо до брода было недалеко, и повернули к реке.

Когда они приблизились к берегу, дикие собаки, которые выли и визжали, сбившись в кучу, бросились врассыпную по равнине. Не слишком задумываясь над их поведением, всадники въехали в воду и дали лошадям напиться.

Они спокойно сидели в седлах, когда Гендрику вдруг послышались какие-то странные звуки.

- Послушай! - сказал он. - Не понимаю, что это такое. Слышишь?

- Собака воет, - ответил Виллем.

- Где?

В первую минуту ни один из них не сумел ответить на этот вопрос, но потом Виллем заметил ловушку, от края которой разбежались собаки.

- Гляди, ловушка! - воскликнул он. - Наверно, зверь провалился туда. Ну, вот что: я его пристрелю, пускай зря не мучается.

- Правильно, - поддержал Гендрик. - Я ненавижу этих собак и вообще всяких хищников, но оставить животное подыхать с голоду просто жестоко. Убей его.

Виллем подъехал к ловушке и спешил. Они разговаривали не настолько громко, чтоб их можно было услышать, сидя в яме. Конго и Черныш в это время молчали, только собака выла от боли.

Заглянув в яму, Виллем увидел лишь зверя, который все еще висел на колу, и, прицелься ему в глаз, выстрелил.

Последняя искра жизни угасла в несчастном звере; но вслед за выстрелом огромного ружья раздались два ужасающих вопля – так не завопит и дикая собака.

То кричали перепуганные негры: каждый вообразил, что следующая пуля угодит в него.

– Аренд! – воскликнул Виллем. Он тревожился о брате и ни о ком другом не думал. – Аренд! Это ты?

– Нет, баас Виллем. Это я, Конго.

Крепко держа свое длинное ружье за ствол, Виллем через отверстие протянул приклад Конго.

Конго ухватился за него обеими руками, и силач Виллем в один миг вытащил его из подземной тюрьмы.

Потом вытащили Черныша, и вот уже они, перемазанные, грязные, стоят друг против друга, и каждый наслаждается жалким видом соперника.

Постепенно пламя гнева, которое таилось в глубине глаз Конго, погасло, и суровое лицо его озарила, словно ясный день, широкая улыбка.

Наконец-то он на свободе, и, конечно, никто не виноват, что он так долго просидел в яме.

Черныш получил по заслугам за то, что радовался его беде, и теперь Конго готов все забыть и простить.

– Но где же Аренд? – спросил Виллем.

Даже смеясь над нелепым видом обоих негров, он не мог забыть, что брат его исчез.

– Не знаю, баас Виллем, – ответил Конго. – Я тут давно сижу.

– Но когда ты его видел в последний раз? – допытывался Гендрик.

Этого Конго не мог сказать: ему казалось, что он пробыл в недрах земли не один день.

От Черныша охотники узнали, что вскоре после того, как они уехали, Аренд отправился за лошадьё, которая отбилась от остальных и бродила по равнине. А больше Черныш его не видел.

Солнце уже садилось, и, не тратя времени на пустые разговоры, Гендрик и Виллем опять вскочили на коней и поскакали туда, где Аренда видели в последний раз.

Они достигли опушки леса примерно в миле от лагеря, и, не зная, куда ехать дальше и что делать, Виллем выстрелил.

Выстрел прогремел по всему лесу, и теперь они с тревогой ждали ответа на свой сигнал. И ответ пришел. Но то был не выстрел и не голос исчезнувшего Аренда, нет, – сам лес отозвался голосами своих обитателей. Завопили стервятники, зацокали бабуины, зарычали львы.

– Что будем делать, Виллем? – спросил Гендрик.

– Прихватим с собой из лагеря Конго и Следопыта и вернемся сюда, – ответил Виллем и, повернув коня, поскакал на стоянку.

Гендрик двинулся за троюродным братом.

Глава VI

Следопыт

Последний отсвет дня угас. Над долиной Лимпопо спустилась ночь, когда Гендрик и Виллем с зажженными факелами снова отправились на поиски

исчезнувшего товарища. Теперь их сопровождали Конго и Следопыт.

Впереди бежал Следопыт – большая испанская ищейка. Впервые за время этого путешествия охотникам понадобилась его помощь, и он готов был исполнить то, что от него требовалось.

Он был еще совсем щенок, когда его привезли из одного португальского поселения на севере Африки. Виллем купил его, а Конго окрестил Следопытом.

Во время долгого путешествия из Грааф-Рейнета этот пес причинял гораздо больше беспокойства, чем все остальные собаки. Он хуже всех переносил голод и жажду, раньше всех уставал и не раз пытался удрать от своих хозяев.

Теперь его взяли с собой в надежде, что он сумеет возместить все то беспокойство, которое причинял дорогой.

Они направились вдоль опушки леса, рассчитывая, что где-то здесь должен был проехать Аренд в погоне за отбившейся лошадей, и действительно напали на след его коня и второй лошади.

Следы вели в лес. Они шли по хорошо утоптанной тропе – ее, очевидно, проложили буйволы и другие животные, проходя к реке на водопой. С обеих сторон к тропе подступал густой колючий кустарник. Кое-где он был совсем непроходим. С тропы все равно нельзя было свернуть ни вправо, ни влево, и некоторое время они обходились без помощи собаки. Впереди шел Конго.

– Ты уверен, что здесь прошли обе лошади? – спросил его Виллем.

– Да, баас Виллем, – ответил Конго. – Две прошли.

– Лучше бы уж Аренд послал ту лошадь ко всем чертям – она не стоила того, чтобы лезть за ней в такие дебри, – сказал Виллем, обернувшись к Гендрику.

Они пробирались сквозь чащу около полумили и наконец выехали на прогалину; тропа здесь обрывалась, и следы расходились в разные стороны. Охотники снова отыскивали отпечатки копыт лошади Аренда, спустили ищейку с поводка, и она тотчас пошла по следу.

В отличие от большинства ищеек, Следопыт не кидался вперед, оставляя человека далеко позади. Казалось, он понимал, что и для него самого и для хозяина будет лучше держаться поближе друг к другу. Поэтому Конго без труда поспевал за умным псом.

Уверенные, что скоро они узнают что-нибудь о судьбе потерявшегося товарища, охотники то и дело окликали и поторапливали собаку.

Вскоре до них донеслись яростные вопли и рычание: впереди, в нескольких ярдах от них, не поделили чего-то дикие звери. Эти звуки охотники слышали уже не раз и тотчас поняли, что они означают.

Лев и стая гиен сошлись над телом какого-то большого животного. Тушей, конечно, завладел царь зверей, и гиены не вступали в драку, а только жаловались на своем, гиеньем, языке. Грозное рычание льва и отвратительный хохот гиен слышались всего в нескольких ярдах, там, куда вел охотников Следопыт.

Взошла луна, и в лунном свете они вскоре увидели тех, кто поднял весь этот шум. Гиены – их было с десятков – визжали и лаяли на гигантского льва, а он лежал, подмяв под себя какое-то темное тело и, очевидно, пожирал его. Когда охотники подъехали ближе, гиены немного отступили.

– Похоже, что это лошадь, – прошептал Гендрик.

– Несомненно, – ответил Виллем, – вон седло. Господи! Да ведь это лошадь Аренда! Где же он сам?

Между тем Следопыт был уже в каких-нибудь пятнадцати шагах от льва и начал угрожающе лаять, словно приказывая ему прервать свою трапезу. Но лев по-прежнему лежал неподвижно и удостоил Следопыта лишь грозным рыканием.

– Надо или убить его, или прогнать, – сказал Виллем. – Как по-твоему?

– Убьем, – ответил Гендрик. – Так будет вернее.

Виллем и Гендрик неслышно соскользнули с седел на землю, отдали поводья Конго – и вот они уже бок о бок крадутся вперед. Курки взведены, и Следопыт неслышно движется за ними по пятам.

Они подкрались к льву, они уже в пяти шагах от него, а он все еще не тронулся с места. Заметив людей, он только перестал есть и низко припал к труп лошади, словно готовясь кинуться на них.

– Ну? – прошептал Гендрик. – Стреляем?

– Стреляем!

Оба одновременно спустили курки, и два выстрела слились в один.

В ту же секунду Гендрик и Виллем инстинктивно кинулись в стороны, спасаясь от последнего прыжка зверя. Лев со страшным рычанием бросился на них, одним махом перелетел расстояние в добрых двадцать футов – и тяжело рухнул наземь между Виллемом и Гендриком. То был его последний прыжок, больше он уже не поднялся.

Даже не дав себе труда проверить, убит ли зверь или еще дышит, они кинулись к останкам лошади.

Да, это лошадь Аренда, но никаких следов всадника не видно. Какая бы судьба ни постигла его, ничто не говорило о том, что он убит вместе со своей лошастью. Оставалась надежда, что он спасся, хотя после того, как были найдены останки лошади, страх его друзей еще усилился.

– Надо разобраться, – предложил Гендрик, – где убили лошадь – здесь или в другом месте. Может быть, лев уже после притащил ее сюда.

Конго внимательно осмотрел все вокруг и объявил, что лошадь убита на этом самом месте и убил ее лев.

Это было уже странно.

При дальнейшем расследовании обнаружили, что одна нога лошади опутана поводом. Это немного объяснило происшедшее, иначе трудно было бы понять, каким образом такое быстроногое животное, как лошадь, могло на открытом месте попасться в лапы льву.

- Тем лучше, - сказал Виллем. - Значит, Аренд спешился, не доехав до этой поляны.

- Верно, - отозвался Гендрик. - Теперь надо найти, где он расстался с лошастью.

- Поедем назад, - сказал Виллем, - и повнимательнее рассмотрим следы.

Разговаривая, охотники перезарядили ружья, вскочили на коней и уже готовы были повернуть назад.

- Баас Виллем, - сказал вдруг Конго, - пускай Следопыт порыщет здесь.

Виллем согласился, и Конго, взяв собаку на поводок, двинулся по прогалине, описывая широкий круг, посреди которого лежала убитая лошадь.

Дойдя до того края поляны, где они еще не были, Конго позвал их.

Охотники подъехали и снова увидели след лошади Аренда - он вел от места, где сейчас лежали ее останки, в сторону, противоположную лагерю.

Значит, сперва лошадь промчалась мимо того места, где сейчас лежит ее труп. Вероятно, она потеряла седока где-то дальше, а когда возвращалась в лагерь, на нее напал лев.

Следопыт снова пошел по следу, Конго не отставал от него ни на шаг, а за ним ехали охваченные нетерпением Виллем и Гендрик.

Но вернемся в лагерь и отыщем след пропавшего охотника способом более верным, чем даже острый нюх Следопыта.

Глава VII

Пропавший охотник

Когда Аренд подъехал к отбившейся вьючной лошади, она паслась на опушке широко разросшейся чащи и уходила все дальше от лагеря.

Она явно не желала, чтобы ее поймали. Завидев охотника, она кинулась в глубь чащи по тропе, протоптанной дикими зверями.

Аренд поскакал за ней.

Слишком узкая тропа не давала ему возможности обойти беглянку, потерять же ее ему не хотелось, и он ехал следом, надеясь, что тропа станет шире и тогда он сможет обойти ее и погнать назад в лагерь.

Наконец отбившаяся лошадь вышла из зарослей и очутилась на поляне, поросшей невысоким вереском, – сплошь усыпанным белыми цветами. Казалось, надежда охотника вот-вот сбудется.

Теперь уже можно было не следовать за беглянкой по пятам, и, пришпорив своего коня, Аренд попытался обойти ее. Но она, видно, вспомнила в эту минуту о тяжелом вьючном седле и припустилась галопом.

Аренд погнался за ней. Проскакав почти до конца поляны, беглянка на мгновение замерла на месте и, прыгнув в сторону, помчалась в другом направлении.

Аренд удивился, но тотчас понял, в чем дело: прямо на них, видимо направляясь к реке, шел огромный черный носорог.

Испуганная лошадь поспешила уступить ему дорогу, и, будь ее преследователь достаточно благоразумен, он поступил бы так же. Но ведь Аренд ван Вейк был охотник, притом человек военный, и, завидев носорога, который подставляет себя под выстрел, он, разумеется, не устоял от искушения выстрелить.

Осадив коня, – вернее, только попытавшись осадить, ибо, почуяв опасность, конь заупряился и не стоял на месте, – Аренд спустил курок. Того, что за этим последовало, он и не ждал и не желал. Взревев, точно разъяренный бык, чудовище повернулось и кинулось на всадника.

Аренду оставалось только спасаться бегством, а носорог кинулся вдогонку, и по всему было видно, что хоть он и ранен, но не слишком серьезно и вполне способен отомстить за себя.

Расстояние, отделявшее преследователя от преследуемого, было с самого начала очень невелико, но, вместо того чтобы круто свернуть в сторону и пропустить чудовище – а охотник непременно должен был это сделать, потому что носороги плохо видят, – Аренд скакал все вперед и вперед, пытаясь на скаку перезарядить ружье.

Аренд совершил эту ошибку не потому, что растерялся или не знал, как поступить, – нет, просто он был слишком беспечен, легкомыслен и воображал, что носорогу нипочем не догнать его. Он всегда был удачлив, а удача слишком часто порождает самоуверенность и ведет к беде, которую человек более осторожный может избежать.

Внезапно конь Аренда остановился на всем скаку, налетев на заросли колючего кустарника, который в Южной Африке прозвали «постояй-погоди». Коню Аренда и впрямь пришлось задержаться на минутку, да на такую долгую, что носорог совсем нагнал его.

И уже не было ни времени, ни возможности свернуть ни вправо, ни влево.

Наконец-то Аренд зарядил ружье, но теперь убить носорога с одного выстрела было трудно: ведь не так-то просто прицелиться, когда сидишь на испуганном коне.

И чтоб стрелять вернее, Аренд на ходу соскочил на землю. К тому же он надеялся, что носорог, не заметив его, побежит за лошадью.

Поле зрения носорога очень невелико; но, к несчастью, когда испуганная лошадь пронеслась дальше, на глаза носорогу попался сам охотник.

Аренд поспешно вскинул ружье, выстрелил и кинулся к росшей поблизости купе деревьев.

За спиной он слышал тяжелый топот – носорог настигал его. Казалось, от этого топота содрогается земля. Он слышался ближе, ближе, вот уже так близко, что и оглянуться нельзя. Аренду чудится, что он уже ощущает всей спиной дыхание зверя. Спасение только одно: неожиданно метнуться в сторону, тогда носорог с разгону промчится мимо.

Аренд так и сделал: он внезапно свернул вправо и только тут увидел, что еще мгновение – и зверь поддел бы его рогом.

Эта хитрость позволила ему хоть на мгновение оторваться от преследователя. Но вот разъяренный носорог уже снова гонится за ним, и совсем незаметно, чтоб он устал, а охотника уже измучила эта бешеная гонка, и он чувствует, что его ненадолго хватит. Собрав последние силы, Аренд еще раз увернулся от носорога, и тут ему повезло: он очутился прямо перед поверженным стволом огромного баобаба. Когда-то сильная буря свалила его, и теперь он лежал, упираясь в землю с одной стороны корнями, с другой – обломанными при падении ветвями, так что между стволом и землей оставался просвет фута в два.

С разбегу кинувшись наземь, Аренд проскользнул под деревом, и как раз вовремя: еще мгновение – и длинный рог вонзился бы ему в спину.

Теперь можно перевести дух и хоть немного прийти в себя. Да, баобаб защитит его. Даже если носорог обежит вокруг дерева, достаточно Аренду снова проползти под стволом – и он опять недосыгаем для страшного рога. Человек свободно проползал под стволом, а для носорога щель была слишком узка. Переползая с одной стороны на другую, ничего не стоило спастись от носорога. Другого выхода у Аренда не было, ибо, увидев за стволом человека, разъяренное чудовище обежало вокруг корней упавшего баобаба и возобновило атаку.

Носорог несколько раз то с одного, то с другого конца обежал дерево, и Аренду не сразу удалось поразмыслить над своим положением. Он надеялся, что носорог устанет от этих бесплодных попыток и либо уйдет сам, либо даст уйти человеку.

Но его надежде не суждено было сбыться. Рассвирепевший от ран зверь, казалось, был непреклонен: прошло уже больше часа, а он все бегал вокруг дерева, тщетно пытаясь добраться до охотника. Аренд с легкостью избегал этих атак. У него оставалось довольно времени для размышлений, и он старался придумать какую-нибудь хитрость, чтобы избавиться от носорога.

Первое, что пришло ему в голову, – это воспользоваться оружием. Дотянуться до ружья было нетрудно, оно лежало там, где Аренд уронил его, когда впервые нырнул под дерево, но зарядить его он не смог – пропал шомпол.

Когда он в последний раз заряжал ружье, носорог так неожиданно кинулся на него, что он не успел положить шомпол на место и, видно, уронил его на поляне. Это было очень некстати, и некоторое время молодой охотник не мог ничего придумать. Он лишь перекатывался из стороны в сторону под стволом баобаба, увертываясь от осаждавшего его зверя.

Но вот наконец носорог то ли устал, то ли понял всю бессмысленность своих атак. Однако жажда мести была по-прежнему сильна в нем: он и не думал уходить.

Наоборот, он стал у баобаба, да так, чтобы видеть все, что происходит по обе стороны ствола, – он, видно, решил остаться здесь и дожидаться случая, когда можно будет расправиться со своей жертвой.

Молча, во все глаза носорог следил за молодым охотником, а тот старался придумать, как бы ему выбраться из осады.

Глава VIII

Избавление

Солнце село, над вершинами деревьев взошла луна, а носорог, казалось, все так же жаждал мести, как в ту минуту, когда он был ранен.

Долгие часы Аренд терпеливо ждал, что голод или что-либо другое отвлечет зверя от мыслей о мести и он уйдет. Но он напрасно надеялся. Боль от ран заставляла носорога забывать и голод и жажду; желание отомстить было сильнее всего. Он неотступно и зорко стерег Аренда, поэтому тот не решался ни на миг высунуться из своего убежища. Стоило ему шевельнуться – и носорог тотчас настораживался.

Время шло, а охотник все не мог придумать, как же ему выбраться отсюда. Но наконец его осенило.

Пускай без шомпола он не может зарядить свое ружье пулей, но можно пороховой вспышкой ослепить носорога или хотя бы сильно испугать его и, улучив минуту, незаметно ускользнуть. Прекрасный план, и такой простой, – как это он раньше не додумался?

Аренд без труда засыпал в ствол двойную порцию пороха, а чтобы он не высыпался из дула, пока выдастся удобный случай выстрелить, заткнул отверстие сухой травой. Случай скоро представился: голова носорога оказалась в каких-нибудь двух футах от дула, и, старательно прицелившись прямо в глаз, охотник спустил курок.

Громко застонав от ярости и боли, носорог кинулся к человеку и, в бешенстве напрягая все силы, попытался перевернуть ствол баобаба – но безуспешно.

«Еще выстрел, в другой глаз, – подумал Аренд, – и я свободен».

Он принялся было опять сыпать порох в дуло ружья, но тут вдруг заметил новую опасность. Комок сухой травы, при выстреле вылетевший из дула, воспламенился и поджег листья, которые устилали землю вокруг. Они мгновенно вспыхнули, огонь стремительно распространился во все стороны и уже подбирался к Аренду.

Ствол баобаба больше не мог защитить его. Еще минута – и дерево будет объято пламенем. Медлить – значит погибнуть в огне. Выбирать не приходилось, оставалось лишь одно: вскочить и спастись бегством.

Нельзя было терять ни секунды. Аренд выскользнул из-под дерева и со всех ног кинулся бежать. Он мог бы удрать незаметно для носорога, но сама судьба,

как видно, была против него. Не пробежав и двадцати шагов, он почувствовал за спиной погоню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mayn-rid_tomas/ohotniki-za-zhirafami

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)